

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук КОЛОСОВОЙ Екатерины Игоревны
на тему: «Творчество Дж. Ритсона и осмысление исторического
прошлого Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв.»
по специальности 5.9.2 – «литературы народов мира»

Представленная к защите диссертация Е.И. Колосовой посвящена комплексу проблем, связанных с изучением эволюции литературоведения (в частности, текстологии и фольклористики), какими их знала Великобритания второй половины XVIII в. Исследовать эти проблемы предложено путем концентрации внимания на творчестве одного из активнейших участников литературного движения того времени — фигуре до настоящего времени достаточно малоизвестной как на Западе, так и в России. Имеется в виду писательская, критическая и редакторская деятельность Джозефа Ритсона (Joseph Ritson, 1752–1803).

В заглавие диссертации вынесено «осмысление исторического прошлого Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв.», однако, как видно из текстов автореферата и научно-квалификационной работы, историческое прошлое является для Ритсона лишь одной из тем, которым он посвящал свои литературоведческие изыскания. Литературоведческая составляющая конкретизирована в разделе «объект исследования»: «**Объектом** исследования стали отредактированные Дж. Ритсоном художественные тексты и эссеистика писателя, в которых отражены его исторические воззрения и редакторские принципы, а также историко-литературные, теоретико-литературные и литературно-критические работы Ритсона, наглядно выявляющие характер его взаимодействия с коллегами по цеху» (с. 15 автореф.; с. 31 дисс.). Изучая богатый историко-литературный материал через призму писательской карьеры Дж. Ритсона, диссертант соотносит план своей работы с наиболее значительными аспектами творчества изучаемого автора. Это «текстологические изыскания в области народной поэзии и шекспировских текстов, интерпретация умонастроений

людей Средневековья, стремление актуализировать исторический материал в свете запросов современности» (из Заключения, с. 145 дисс.). Гл. 1 посвящена Ритсону — литературному критику и участнику британской полемики вокруг корпуса национальной литературы. Гл. 2. представляет читателю Ритсона как члена круга специалистов, стоявших у истоков научной эдиции и переосмысливавших весьма вольный подход к редактированию шекспировских текстов. Гл. 3 посвящена Ритсону — собирателю фольклора, сформировавшему свой свод баллад о Робин Гуде и, как подчеркивает диссертант, сконструировавшему тот образ благородного разбойника Робин Гуда, который продолжает воздействовать на современную культуру (с. 112–144, 150 дисс.).

Актуальность данного диссертационного исследования, представленного на защиту, совершенно справедливо отмечена в самой работе (с. 15–16 автореф.): выводя из тени забвения достаточно противоречивую фигуру Ритсона (который был погружен в литературную полемику своего времени), исследователь открывает новые возможности толкования целого комплекса литературно-методологических смыслов, восходящих к последним десятилетиям XVIII в. и началу XIX в. Полагаю, что представленное исследование очень своевременно и полезно еще и в контексте обращения его автора к спорам о художественной и редакторской фальсификации или, напротив, о достоверной передаче исторических фактов и письменных документов.

Пересечение литературно-критического дискурса с историографическим, исследуемое в работе Е.И. Колосовой, соответствует современным научным представлениям об изменчивости состава литературы на протяжении нескольких эпох и о стадийном развитии как литературы, так и литературоведения. В самом деле, многие тексты XVIII в., как и более ранних столетий, — тексты, которые сегодня считаются литературными памятниками, в период их создания воспринимались совершенно иначе: как исторические документы, религиозные откровения, учительные наставления и т.д. Об этой стороне дела в российской науке сказано немало. Очевидно,

что когда Джозеф Ритсон, вместе со своими современниками, размышлял о жанре «истории литературы», о жанре «научного комментария», о жанрах «народной баллады» и «литературной баллады» (не называя это «жанрами», однако), в европейской словесности менялся тип художественного сознания: от традиционалистского, или нормативного (которому как раз свойственна ориентация на жанровые нормы) — к индивидуально-творческому, или индивидуально-авторскому (для которого центральной категорией поэтики является автор, а не жанр)¹.

Кстати говоря, в одном из трудов об эдиционной практике XVIII в., который цитирует Е.И. Колосова, подчеркивается обострение редакторского интереса к авторским смыслам, авторскому языку, авторским горизонтам знаний, обнаруживающимся в комментируемых текстах (“a growing knowledge of and respect for the particularities and otherness of sixteenth- and seventeenth-century authors, <...> of their languages and cultural horizons.” <their> “authorial sense”²).

То, как происходила борьба нормативного и индивидуально-авторского начал в британской эдиционной практике конца XVIII в., удобнее всего изучать как раз на творчестве фигур «не самого первого ряда», подобных Джозефу Ритсону. Поэтому выбор объекта и материала данного исследования, равно как и комплекса исследовательских задач, достоин самой положительной оценки.

Автор диссертации «Творчество Дж. Ритсона и осмысление исторического прошлого Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв.» пытается охватить и проанализировать очень обширный материал. Каждый из трех разделов этой работы мог бы составить базу для отдельной кандидатской диссертации. В попытке соединить эти разделы в одну научно-квалификационную работу объемом ок. 200 стр. есть свои плюсы и свои минусы. Обзорный подход помогает увидеть и оценить литературоведческий

¹ См., например: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. 512 с.

² Walsh, Marcus. Shakespeare, Milton and Eighteenth-Century Editing. The Beginnings of Interpretative Scholarship. Cambridge Univ. Press, 1997. P. 201.

дискурс комплексно, что очень ценно. Но эта же обзорность нередко оборачивается беглостью освещения отдельных аспектов темы. Избавиться от этой беглости можно только в будущем, переработав диссертацию в более объемную и обстоятельную монографию. Полагаю, что соискателю целесообразно поставить перед собой такую задачу.

Что имело бы смысл учесть при предполагаемой редакции в будущем?

Прежде всего хорошо бы пойти по пути отказа от поверхностных обзоров классицизма и романтизма (с. 43–48; с. 39, 148, дисс.), которые на данный момент по своему стилю ближе к учебникам, чем к научной монографии — и в силу своей предельной краткости не могут быть избавлены от неточностей. Лучше было бы предоставить читателям необходимую справку просто в виде ссылок на соответствующие серьезные труды.

Что я имею в виду под неточностями? Они касаются нюансов.

К примеру сказано, что «Высшей точкой английской классицистической эстетики стала доктрина Дж. Драйдена (1631–1700), которая лучшего всего представлена в его «Эссе о драматической поэзии» (*Essay of Dramatic Poesie*, 1668). Драйден рассматривал драму как наиболее близкий к эпосу жанр и провёл границы между английской, античной и французской драмой» (с. 45 дисс.).

С чем тут можно поспорить? Разве С. Джонсон не называл Драйдена «отцом английской критики»? Разве Драйден не ведущий поэт, драматург и критик эпохи Реставрации? А дело в том, что Драйден главным образом известен как теоретик «героической» драмы (*heroic play*). Именно в вопросах классицистической героической драмы, а не абсолютно во всех вопросах классицистической эстетики, его труды являют собой вершинное достижение английской мысли того времени, хотя дискутировал он о многом. Драйден действительно тяготел к компромиссу между британской традицией и опытом французской классицистической драматургии. Но упомянутое диссертантом «Эссе <или опыт> о драматической поэзии» (*An Essay of Dramatic Poesy*, 1668) — не итоговое и лучшее, а раннее произведение

Драйдена, положения которого он развивал в своих последующих трудах, посвященных предмету и форме героических пьес и комедий: «Защита опыта о драматической поэзии» (*A Defence of an Essay of Dramatic Poesy*, 1668), предисловие к комедии «Вечерняя любовь» (1671), «Опыт о героических пьесах» (*Of Heroic Plays*, 1672) и др.

Не вполне убедительно прозвучали слова о роли трактата Т. Уортона «Замечания к “Королеве фей” Спенсера» (1754): якобы этим трактатом Уортон «произвёл революцию в английской литературной критике» (с. 46 дисс.). Понятно, что источником такого восхищенного отношения к трактатам Уортона служит главным образом книга Рене Уэллека “*The Rise of English literary history*” (первое изд. 1941; упоминается на с. 48 дисс.). Но ведь и сам Уэллек дистанцируется от завышения оценки, данной Уортону, сообщая: «Однако Уортон не был тем великим новатором, которым его порой объявляют. Скорее он был человеком абсолютно своего времени, талантливо упорядочившим материалы, накопившиеся за целый век интенсивной мысленной работы» (букв.: “*But Warton was not the great innovator he is sometimes declared to be. He was rather the man of the moment, who had the ability to organize the materials accumulated by a century of intensive thinking*” (р. 47 по изд. 1941 г.).

Рассматривая утверждения Клариссы Ринакер (работа 1916 г.). на которые опирается диссертант, отмечу: в современном литературоведении известно, что Уортон являлся не единственным сторонником так называемых «новых», выступавших против лагеря «старых» в дискуссии об эпическом декоруме, где Спенсер (вместе с Ариосто) рассматривался не как нарушитель правила классицистических единств, а как яркий и талантливый мастер слова. Начало противопоставлению героического эпоса и рыцарской поэмы было положено итальянскими авторами в предклассицистическую эпоху. Так, Антонио Минтурно (1500–1574) эксплицитно противопоставлял эпическую поэзию, созданную «лучшими древнегреческими и латинскими поэтами» рыцарскому роману, «созданному варварами», хотя ценил многочисленные достоинства «Неистового Орландо», утверждая, что это

произведение являет собой исключение, судить о достоинствах которого следует по мастерству его автора. Английские продолжатели этого спора нередко применяли к разным поэтическим опытам Спенсера (и в особенности к «Королеве фей» после ее издания в 1590/1596 гг.) доводы итальянцев, произнесенные по поводу Ариосто и эпической традиции. Делали они это в пересказе и далеко не всегда со ссылкой на итальянцев. Уортон здесь не являлся исключением из общего правила, которое установилось начиная со времени существования литературного объединения «Ареопаг» (1579–1580), куда входил Спенсер.

Приведенные выше формулировки из диссертации, которым можно противопоставить ряд фактов, ставящих эти формулировки под сомнение, обнаруживают некоторые стилистические несовершенства текста, поддающиеся исправлению при условии более аккуратного перефразирования.

К чести автора диссертации отмечу, что завершающие диссертацию страницы (Заключение) написаны очень взвешенным языком и являют собой образец непредвзятого научного стиля, в котором было бы похвально выдержать и срединные страницы текста.

К редакторским соображениям отнесу еще одно.

Неплохо бы еще раз подумать о транслитерации английских имен. Осовременивание написаний вполне допустимо при условии, что читатели сразу могут понять, какая историческая фигура имеется в виду, а поисковые системы определяют ваш труд в перечень работ по этому автору. Для этого необходимо при первом упоминании указывать оригинальное написание имени и его устоявшуюся в русской традиции транслитерацию. Понятно, что переделывать имя Шекспира на «Шейкспиа» сегодня было бы странным, и на этом фоне хорошо бы еще раз подумать об «Уолтере» Скотте. Если стратегия осовременивания личных имен автору диссертации близка, то, в интересах единообразия, не стоило бы транслитерировать валлийские фамилии, начинающиеся с “Ll” побуквенно: по фонетическому принципу “Llwyd” транслитерируется как Флойд (ср. “Ллуйд” на с. 11 дисс.). (Ср.

шекспировского персонажа-валлийца с фамилией Флуэлен из пьесы Шекспира «Генрих V»: в английских научных изданиях пьесы это Llywelyn). Кстати говоря, фамилия Томаса Де Квинси в английской традиции пишется с заглавной буквы и с неразбиваемым пробелом между De и Quincey (Thomas De Quincey). В алфавитном порядке фамилию определяют к литере D. Это авторское пожелание самого Томаса Де Квинси, с которым научные редакторы как правило считаются.

Из вопросов, которые мне хотелось бы прояснить у автора диссертации во время защиты, представляется важным следующий. В диссертации неоднократно подчеркивается, что «Собрания старинных произведений Дж. Ритсона отличает жесткий принцип отбора материала и изъятие всего лишнего, что делает его работы цельными, хорошо структурированными и научно выверенными» (с. 32; подчеркнуто мной. — Е.Х.-Х.). Временами в диссертации приводятся краткие примеры и пояснения по поводу этого «лишнего». Хотелось бы подробнее узнать об особенных, исключительно ритсоновских методах отказа от «лишнего» материала, прочесть его собственные детальные определения: что конкретно он понимал под «лишним» и как практически и системно он применял свои принципы на практике. Нагляднее это можно понять при рассмотрении больших отрывков текста в сравнении с этими же отрывками, отредактированными иными редакторами. Как Ритсон поступал с нечитаемыми или трудночитаемыми фразами и фрагментами? Попадали ли нечитаемые фрагменты когда-либо в ритсоновскую категорию «лишнего»?

Высказанные в отзыве замечания носят скорее редакторский характер, предлагаемые на усмотрение автора и не умаляющие значимости диссертационного исследования, выстроенного логично и доказательно, на очень объемном материале, включающем малоизученные, но при этом немаловажные литературоведческие источники.

Диссертация «Творчество Дж. Ритсона и осмысление исторического прошлого Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв.» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени

М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 — «литературы народов мира» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Колосова Екатерина Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности специальности 5.9.2 — «литературы народов мира».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения
ФГБУН «Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» (ИМЛИ РАН)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА Елена Владимировна

7 декабря 2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 — литература народов стран зарубежья

Адрес места работы: 121069, Российская федерация, г. Москва,
ул. Поварская, д. 25а,
ИМЛИ РАН, Отдел классических литератур Запада и сравнительного
литературоведения
Тел.: (495) 690-50-30; e-mail: info@imli.ru

Подпись сотрудника д.ф.н. Е.В. Халтрин-Халтуриной удостоверяю: